

Чэн Чжаньси взяла две маленькие ложки и протянула одну Юй Цинтан, улыбаясь:

— В прошлый раз ты угостила меня лепёшкой с ослиным мясом, а сегодня я угощаю тебя десертом. Это очень вкусно, попробуешь — поймёшь.

Юй Цинтан взяла фарфоровую ложку, а Чэн Чжаньси уже зачерпнула полную ложку и отправила её в рот, закрыв глаза от удовольствия.

Юй Цинтан подумала: «...»

Почему, глядя на неё, самой хочется есть?

Юй Цинтан закатала рукав, аккуратно зачерпнула пол-ложки молочного желе с имбирём и медленно поднесла ко рту.

Текстура была нежной, оно таяло во рту, а аромат имбиря, смешанный с насыщенным вкусом молока, буквально взрывался на языке, оставляя после себя приятное послевкусие.

Она почти никогда не ела десерты, и этот вкус был для неё совершенно новым, но в то же время в глубине памяти всплыло давно забытое чувство, заставив её на мгновение потерять связь с реальностью.

Жаркий летний день, солнце на небе сияло так ярко, что невозможно было различить его края, цикады не умолкали на деревьях, а солнечные лучи пробивались сквозь густую листву, создавая причудливые узоры теней.

Две девочки стояли лицом к лицу под деревом. Одна из них, взяв из рук белую фарфоровую чашку, которую она бережно несла весь путь, протянула её худенькой девочке. Ещё детский голос мягко произнёс:

— Это имбирное молоко, которое приготовила моя бабушка. Она сказала, что это помогает от теплового удара. Попробуй.

Худенькая девочка взяла чашку, но, так как не умела говорить, выразила свою благодарность и радость взглядом.

Девочка с нежной кожей, явно из благополучной семьи, достала из кармана маленькую ложку, завернутую в ткань, и протянула ей.

Они сели рядом под деревом на вершине холма, а неподалёку стоял пустой мольберт. Солнечный свет падал на землю, словно мелкие золотые монетки.

Худенькая девочка попробовала лакомство и заметила, что другая девочка смотрит на неё с нетерпением, сглатывая слюну.

Она остановилась и неуверенно протянула чашку обратно. Но та покачала головой и открыла рот:

— А.

Девочка подумала: «...»

В итоге большая часть имбирного молока оказалась в животе её подружки.

Та смущённо икнула, покраснела и, похлопав себя по груди, мягко пообещала в следующий раз снова принести ей угощение.

Каждый жаркий летний день, когда цикады не умолкали, они встречались на вершине холма, делили чашку имбирного молока и «разговаривали» под деревом. Девочка с энтузиазмом и старанием показывала жесты, которые она только что выучила, и её улыбка была ярче, чем солнце в тот год.

Юй Цинтан уже не помнила лица той девочки, и даже воспоминания о тех временах были погребены глубоко в её памяти, словно спящие. Но она навсегда запомнила вкус имбиря, смешанного с молоком, который таял на языке. Пыль с воспоминаний сдуло ветром, и она поняла, что прошлое всё ещё живо.

Возможно, это было единственное счастливое время в её жизни.

Но она не хотела вспоминать об этом.

Оно было слишком коротким, словно мимолётный фейерверк, который вспыхнул и оставил после себя лишь тишину.

Девочка сказала, что ей нужно вернуться домой и пойти в школу, и, с трудом сдерживая слёзы, попрощалась, пообещав увидеться в следующий каникулы.

Маленькая Юй Цинтан, сохраняя спокойствие, жестами попрощалась с ней.

На следующий день перед домом её бабушки и дедушки остановился длинный чёрный автомобиль. У открытой двери стоял высокий, статный мужчина в белой рубашке, чёрных брюках и чёрном жилете — настоящий дворецкий. Девочка была одета в белое платье, а на голове у неё была маленькая корона. Она выглядела как настоящая принцесса из сказки.

Маленькая Юй Цинтан не была удивлена этой картиной. Дети её дядей и тётей всегда выглядели так, когда выходили из дома.

Дворецкий, держа её портфель и мольберт, с нежностью смотрел на девочку, а бабушка и бабушка, полные любви, что-то ей наставляли. Девочка, сохраняя достоинство, кивала, но её взгляд украдкой блуждал по толпе.

Собралось так много людей, что маленькая Юй Цинтан легко затерялась среди них, и девочка её не заметила.

Дворецкий мягко подтолкнул её к машине, и девочка, не скрывая разочарования, села в неё.

Дверь закрылась, и тонированные стёкла скрыли её от посторонних глаз. Маленькая Юй Цинтан вышла из толпы и медленно пошла за медленно отъезжающим автомобилем.

Чёрный автомобиль выехал на дорогу и быстро исчез из виду. Маленькая Юй Цинтан стояла одна у края деревни, и слёзы вдруг полились из её глаз. Она крепко сжала губы, так сильно, что они начали кровоточить, но она не издала ни звука.

Вскоре после того, как девочка уехала, она тоже переехала.

Как метеор, осветивший тёмное небо. Она высоко подняла голову, невольно вдохновлённая её светом. Метеор отразился в её глазах, от яркой вспышки до полного исчезновения.

С тех пор даже этот слабый свет исчез.

Солнце, которое когда-то появилось, лишь подчеркнуло её одиночество.

— Юй учитель.

— Юй учитель?

Белая, изящная рука мелькнула перед её глазами. Юй Цинтан подняла взгляд и спокойно спросила:

— Что?

— Ничего, — Чэн Чжаньси указала на её ложку. — Если остынет, будет не так вкусно.

Она уже давно сидела, уставившись в одну точку, и было непонятно, о чём она думает.

Юй Цинтан опустила глаза и кивнула, отправив в рот остывшее имбирное молоко.

Остывшее действительно было не таким вкусным. Юй Цинтан провела рукой по краю чашки, но воспоминания продолжали витать в её сердце.

Она положила ложку.

Чэн Чжаньси удивилась:

— Ты больше не будешь есть?

Юй Цинтан спокойно ответила:

— Мне не понравилось.

Чэн Чжаньси подумала: «...»

Юй Чжоу, опустив голову, молча ела саго с кокосовым молоком. Иногда учительницы казались такими близкими, а иногда — совершенно разными. Она даже забыла о своём горе, с интересом наблюдая за ними.

Чэн Чжаньси обожала имбирное молоко, и её рекомендация была отвергнута, что не могло не расстроить её. Она сжала губы, взяла чашку Юй Цинтан и сказала:

— Я доем, можно?

Что ещё можно сделать с любимым человеком? Только баловать его.

Юй Цинтан ответила:

— Не надо.

— Но столько осталось, жалко выбрасывать.

— Тогда выбрось.

На глазах ученицы Юй Цинтан не стала оставлять никаких иллюзий.

Юй Чжоу содрогнулась, едва не уткнувшись лицом в чашку.

Чэн Чжаньси:

— Ты...

Она даже начала сомневаться, не разлюбила ли её Юй Цинтан, или, может быть, у неё есть брезгливость, и она не позволяет другим есть из своей посуды.

В итоге оставшееся имбирное молоко оказалось выброшено.

Чэн Чжаньси не была настолько мелочной. После того как она проводила Юй Чжоу в класс, она снова предложила пойти с Юй Цинтан в медпункт.

Юй Цинтан собиралась отказаться, спокойно сказав:

— Я сама схожу.

Чэн Чжаньси лишь смотрела на неё с улыбкой, не говоря ни слова, но её взгляд говорил, что она всё понимает.

Её актёрские способности были на уровне, который она демонстрировала только в постели, и он был так же неуклюж, как всегда.

Юй Цинтан подумала: «...»

Они шли по школьной аллее к медпункту.

Ученики были на уроках, и в школе царил тишина, лишь изредка доносились голоса учителей.

Юй Цинтан, глядя вдаль на открытое окно одного из классов, немного помолчала, а затем тихо сказала:

— Чэн учитель, твои сегодняшние действия были не совсем правильными.

— Ммм?

Её голос был тихим и спокойным, и Чэн Чжаньси невольно наклонилась ближе, чтобы лучше её слышать.

— Выдавать себя за родителя ученика и ругаться с другим родителем — если бы она это узнала, то могла бы пожаловаться на тебя, и у тебя были бы проблемы.

— Какие проблемы? Отстранение от работы? Или увольнение?

Юй Цинтан посмотрела на неё, и в её взгляде было что-то особенное.

Чэн Чжаньси улыбнулась:

— Я не такая, как вы, у меня нет постоянной должности.

Она слегка подмигнула, давая понять, что Юй Цинтан её понимает.

«...» Юй Цинтан снова отвернулась.

Зачем она вообще беспокоится за эту барышню? В любом случае, она не позволит себя обидеть.

Чэн Чжаньси осознала это, и её сердце забилося быстрее. Она тихо спросила:

— Ты беспокоишься обо мне?

Юй Цинтан подумала: «...»

Юй Цинтан ускорила шаг.

Чэн Чжаньси быстрыми шагами догнала её, смеясь:

— Подожди меня.

Это было похоже на чистую школьную любовь. Чэн Чжаньси, просто идя рядом с Юй Цинтан по школьному двору, почувствовала, как будто вернулась в юность, когда впервые влюбилась, и вокруг цвели неизвестные цветы.

Юй Цинтан остановилась у двери медпункта.

Чэн Чжаньси обернулась, удивлённая:

— Заходи.

Юй Цинтан сжала тонкие губы, её плечи напряглись, и она медленно вошла внутрь.

Чэн Чжаньси стояла на месте, ожидая её, и мягко, как с ребёнком, сказала:

— Не бойся, уколов не будет. Максимум — намажут мазь.

Маленькая сценка:

Юй Цинтан: Что ты хочешь съесть?

Чэн Чжаньси: Имбирное молоко.

Юй Цинтан: Убери первые два слова.

Чэн Чжаньси: ...Молоко?

Юй Цинтан (расстёгивая одежду): Ну, держи.

<http://bllate.org/book/16859/1552527>